

ЮЛИЯ ТИШКОВСКАЯ

дальше зрения

ЮЛИЯ ТИШКОВСКАЯ

ДАЛЬШЕ ЗРЕНИЯ

поэтическая серия **объединенного гуманитарного издательства** и клуба «проект о-г-и-и»

О.Г.И

Москва 2005

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос=Рус)6-5
Т47

Координатор проекта Олег Шатябелко

«Сопромат» — серия книг новейшей русской поэзии. Хотя обширный вектор поэтики авторов серии (или, если угодно, преемственность) достаточно точно и совсем не случайно определен выбором авторов предисловий, было бы несправедливо пытаться объединить их какой-то единой концепцией. Серия — скорее констатация поэтического единства странства и времени для авторов, сначала как литературно-виртуального сообщества «Полутона» (www.poltona.ru), а потом и его вполне «реального» воплощения в качестве Калининградского поэтического фестиваля *СЛОИМО 2003–2004* гг. Почему «Сопромат»? У каждого автора серии есть свое, точное, однозначное толкование названия серии. Свой, так сказать, контекст. А вот общего, извините, нет.

Тишковская Ю. И.

Т47 Дальше зрения / Юлия Тишковская. — М.: ОГИ, 2005. — 88 с. — (Проект ОГИ / Сопромат).

ISBN 5-94282-320-0

Родилась и выросла в Санкт-Петербурге, окончила Педагогический университет им. А. И. Герцена. Публиковалась в журналах «Вестник молодой литературы», «Вавилон» и «Reflect».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос=Рус)6-5

ISBN 5-94282-320-0

© Ю. И. Тишковская, 2005
© О. Н. Зондберг, предисловие, 2005
© Клуб «Проект ОГИ», серия, 2000
© ОГИ, 2005

ГРАНИЦЫ СЛУЧАЙНЫХ МЕСТ

Не смущаясь пересказом, поскольку «иглак, начнем, благословясь»: в одном коротком стихотворении, написанном 90 лет назад, повествуется о посещении лечебницы для душевнобольных, описывается интерьер означенного заведения и отмечается, как хрупка и сомнительна грань между разумом и безумием. Автор, как и в случае открытой сейчас книги, молочда женщина, интонации текстов у них местами схожи, но ассоциация возникла по другому поводу.

За прошедшие годы многое изменилось, тем не менее в любые времена ход жизни в основном отражается не на хрупких стенах, а на том, что они призваны разделять. Нынешняя пронизаемость разнообразных границ ведет к соответствующему составу систем: где ни окажись, по обе стороны порядок и хаос в динамически-равновесных смешениях, территории неизбежных случайностей, ожидаемой непредсказуемости, привычной амбивалентности. Если в названии цикла стихотворений Юлии Тишковской «Деять из десяти» кому-то послышится намек на точность попадания, успешный результат, нечто однозначно позитивное, то через несколько строк баланс будет восстановлен:

*Деять из десяти подлюбок
не возвращаются из походов.*

В мире случайностей изначально несущественные различия со временем ведут к непропорциональным сдвигам. Формальное разделение может обернуться — и непременно обрабатывается — реальным отчуждением:

*Из параллельного класса —
как из другого мира.*

Указатели, разметки, слоганы и прочие атрибуты управления и контроля в такой среде абсурдны и даже уже не смешны, поэтому экспансия рекламы на повседневность, одно время бывшая предметом пристального внимания предшественников, теперь воспринимается не всерьез, мимоходом. Подобное пренебрежение, что интересно, может быть выказано (скорее всего, неосознанно) тем же узнаваемым со школьных лет слогом (короткие отрывистые строчки, разреженные и нарочито неточные либо лагидарные рифмы), какими в 20-е годы прошлого столетия сходные объекты поэтизировались.

*Всего два пути —
на пересадку
и
выход в город.
Но они не выйдут.
Буквы на указателе
слишком
крупные,
чтобы их принимать всерьез.*

Заголовок одного из самых выразительных в книге циклов стихотворений — «Стецификация» (оттуда последний процитированный фрагмент) — опять-таки ненамеренно, по словам автора, отсылает к соответствующему транспортному документу — описанию груза. И коль скоро перемещение его всегда происходит между территориями случайностей, то и спецификация содержит лишь ту информацию, которая на любой из таких территорий не утрачивается ответственности, не обесценивается. Каждый предмет говорит о других предметах не меньше, чем о себе самом, и, кажется, нарочно отвлекает, боится длительного сосредоточения, словно оно спосособно нанести удар ограниченно-стью по многомерной действительности. Так, одни книги, к законной гордости их авторов, украшают домашние полки, а другие почти полным тиражом, и без того небольшим, уничтожаются в порыве острого недовольства и обнаруживаются через несколькo лет, к примеру, у друзей каких-то знакомых или у вовсе не знакомых лиц, которым были подарены при забытых обстоятель-

ствах. Нет смысла делать оговорку «все события вымышлены, совпадения случайны, права защищены»: вряд ли кто еще помнит, что все это когда-то означало — события, совпадения, права.

*Красная машина
моих новых зрительных впечатлений...
...
Сетки —
на решетках.
Решетки — на окнах.
Приходит — и ест.
Он приходит после работы
и ест.
Дорога через развалины.
Мы покрыты.
Мох маленький.
Пророс — и трещины — как дорожки.
Не так резко.
Почемножку.
Выезд. Какой-то английский центр.
Исчезнуть.
На скромные средства трудящихся
Ленинград.
...*

Идти... нет, ехать, стелить, куда глаза глядят. Остерегаться, в том числе и этой красной машины. В сущности, беречься бесполезно: несчастные случаи неизбежны, как и любые другие, но сама просьба остерегаться — как граница между враждующими сторонами — и есть все, что осталось от зоны безопасности. Некоторые впечатления вытесняются почти скоротворкой:

*Они знают то,
что знает кот,
и еще немного.
Они живут вместе
чуть больше года.
Но не считают это за год.*

Проскочить, прорваться, протолкаться, протарганившись сквозь замеченное. Долго смотреть невыносимо: того, на чем успокоится сердце, глазами, как известно, не увидишь. Поэтому — «дальше зрения». Это речь, понята как становление горизонтом, границей тех случайных мест, которые можно охватить зрением в попытке уберечь. Красная машина — мимолетный остерг — движется не останавливаясь. По тонкой красной линии.

*Мы не скажем,
где мы были,
не скажем,
что делали.
Потому что
разбиты.
Потому что
нас нет уже.
Так, какие-то
крошки.
...
Всегда успеет
разбиться
в люди...
(«В люди»)*

*Мы же все
набивные,
набитые,
нам надо,
чтоб было,
чем
быть-жить...
(«Набитые»)*

*В человека
так много всего напихано...
(«Того и гляди»)*

Сходства, как правило, бросаются в глаза раньше различий. В творчестве поэтического поколения, к которому принадлежит Юлия Тиховская, снова актуально многое из того, что было заявлено более полвека назад некоторыми американскими поэтами и прозаиками, объединенными литературоведческим термином beat generation, битниками: свобода поэтической формы, созерцательность, фрагментарность зрения, спонтанность выбора и описания объектов внимания и пр. Но, заметим вслед за автором этой книги, прогнито(со-)поставления однокоренных слов «разбитые — набитые» у тех не было и быть не могло — здесь вступают в свои права языковые различия, и в результате разбивается не пустая, очищенная от суетного и необязательного, а битком набитая разнообразным содержанием, рвущаяся под давлением накопленного облочка. Разбитость «на нашем языке» — конечная точка внутреннего напряжения: разбивается то, что переполнилось. В понимании битников пустота как условие внутренней свободы — это определенность, незамутненность, то, чего требуется достичь — усилием, очищением сознания, здесь же — природная уверенность в том, что если нечто набито, то рано или поздно оно разобьется, естественным образом дойдет до опустошенности, а затем вновь начнет собираться по частям и наполняться и т. д. по стирали; усилия поэтому следует направить не на очищение, а, наоборот, на собиранье и сохранение внутри — до поры до времени — всеми возможными способами, пусть даже канцелярским скоросшивателем и подобными ему подручными средствами. Разбитый и собираный про кусочкам Озирис (он же в профанном варианте — Шалтай-Болтай), получается, ближе Будды — к тому выводит кривая родной речи. Все происходящее, то есть жизнь, — «набивочный материал», который необходимо удерживать, беречь в себе, пока не придет время «разбиться в люди», иначе — разродиться, принести дар миру. Неудивительно, что именно эта сторона битничества и наследующих течений — понимание разбитости как акта дарения — находит отражение в первую очередь в зеркале женского голоса.

Истоки — тема благодагтная, обсуждать ее можно до бесконечности, однако, поскольку в руках авторский сборник,

не будем забывать о том, что традиции отечественного поэтического авангарда первой четверти XX века (так, стихотворение «Эта улица» вполне могло быть написано в эталонном 1913), пропущенные сквозь многочисленные позднейшие влияния, преимущественно контркультурные (битники, «сибирский панк» и т.д.), в преломлении женского взгляда — не более чем культурный фон, фундамент. В индивидуальное же «засчитываются» попытки прорыва к персональному, внероловому и внестереотипному высказыванию.

любили

человека в метро

прятались от зонтика

смотрели друг друга

в лужах

решили, кто каким будет голубем:

Ольга — розовым

я — синим

улетели

вернулись

несли домой гематоген

сегодняшнее солнце

прожило.

обуванчики

закрываются

Пожалуй, тоже поколенческое и, возможно, возрастное стремление сквозь все роли, сознательно и бессознательно усаживаемые с культурным багажом, — дальше. Речь не прикидывается ни сказовой, ни детской, лишена нарочитого примитивизма или, наоборот, учености, напиранных сенти-

ментальности или аскетизма; пронизывающий ее тонус не нуждается в масках «наивного создания», «нежной матери», «плохой девчонки», «синего чулка» и пр. Личностное преобладает над гендерно-ролевым: характерны недоразвитие и отрывочность «традиционно женских» разговоров. Однотимесечный младенец и физиологические подробности его рождения упоминаются вскользь, в трех строчках, и дальше обсуждению не подлежат — в частности, из чувства меры. Женская самоидентификация высказывающейся личности не сомненна и в то же время настолько последовательно стремится быть вне сопутствующих ей стереотипов, что воспринимается как случайный элемент сотканного из случайностей мира. Или, как наиболее, на мой взгляд, точно сформулирована эту ситуацию одной строкой-парафразом чуть старшая, но во многих отношениях созвучная тому же поэтическому поколению Анна Горенко, «что до жизни, то оказалась женской».

Впрочем, стереотипы и прочие искусственные запреты особого недогования в данном случае не вызывают. Они, наравне с рекламными плакатами, несерьезны, а если чем и нехороши, то лишь тем, что отвлекают внимание, становясь иногда ловушками для недовольных, красными тряпками. Когда речь заходит о каких-либо навязанных границах дозволенного (по обе стороны которых, присмотревшись, примерно одно и то же), их незначительность тут же различается, и вместо того чтобы бросаться на подобное «претягивание», человек заглядывает по ту сторону, дальше зренья, и сам оказывается границей, ориентируясь в мире, находя свое место и при этом оставаясь частью каждого из прилегающих пространств, свидетельствуя о том, что между этими пространствами происходит, — границы не нарисованной, живой.

Ольга Зондберг

Старушка

Старушка подняла опавший лист.
 Кленовый. Желто-красные прожилки.
 И улыbnулась.
 Вот здесь — память. Вот она.
 Проросла ответвлением стебля.
 Все хотела чего-то.
 Сейчас

Многое отдала б, чтобы хоть чего-то хотеть.
 Все кого-то ждала.
 Теперь

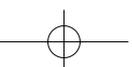
Настала пора учиться никого не ждать.
 Все верила во что-то.
 Ныне

Утешает лишь воскресный звонок и вера в загробную жизнь.
 А вот это — страх.
 Дезет, делится зубчатými резными краями,
 Повторяя кленовый контур.
 В 10 — ночами — плакала от возможности умереть,
 В 20 — от желаний,
 В 30 — от беспомощности и того, и другого.
 А сейчас уже не плачется.
 Только в жадной тихой темноте —
 Крошечный серый комок надежды,
 Что это — не навсегда,
 Что когда-нибудь я еще буду...

Старушка подняла опавший лист. —
 «Моя душа».

**ИЗ ЦИКЛА «ПРОТИВ ЧАСОВОЙ
СТРЕЛКИ»****В север**

С каждым лопнувшим пузырьком
 короче
 этот вечер.
 Скоро от него ничего не останется.
 Кем я стану тогда?
 Если войти в воду
 с головой,
 какие мысли принесет вода
 в эту голову?
 Человек, выдавший серую радугу, —
 возвращайся
 на свои улицы.
 В твоём доме глеет уют.
 Любимая скатерть
 прожжена.
 Безобразное пятно
 навегда.
 Кипячение не поможет нам.
 В эту дыру
 улыбаются птицы,
 не успевшие долететь с юга.
 Мы плохо видим,
 доедая друг друга.
 Наши кости —
 подножие
 дискотеки.
 Кажется, страшно.
 Придлси танцевать.
 Без сожаления
 смитай все,
 что осталось от памяти,
 веками.

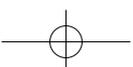

Птицы, не сумевшие долететь с юга,
просто устали
летать
из-под
севера
в
север.

Без объяснений

Л. Н.

Двери гаражей
подземных
машин
примут нас
без всяких объяснений.
Только молчи.
Любой звук,
вибрируя стенами,
превращается в большую птицу.
Зацепиться
за
канализационный люк
сломанными коготками.
От слабости
не умирают,
а живут еще долго.
Все там будем.
Все будут
с нами.
Припевать
лучше
хором.

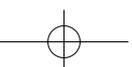

Вербные веточки*П. Н.*

Пожилая женщина
 ломает вербу.
 Вербные веточки —
 в колоске.
 Цекочут щеки
 младенца
 так сказочно.
 Синий воздух.
 Волнуется море
 легких.
 Кончились все сроки
 неизлечимо больных.
 Посыпаю песком дорожку
 у церковной ограды.
 Маскирую грехи.
 Пусть никто не узнает.
 Значит,
 будем ими
 богаты.
 Наверное,
 кто-то
 радуется им,
 созерцая поверхность стеклянного шара.
 Мне
 всегда
 будет о чем молить,
 если это
 хоть кому-нибудь
 надо.

Не делится*Манге*

Любит гладить когов и кошек,
 перекагивать их пушистые мысли
 с кончика хвоста — прыг! —
 прямо на пол.
 Они, говорит, такие
 хорошие.
 Не оцарапать бы
 толоской воды,
 пробой реки без течения,
 в которой, наверное, так хорошо мыть тарелки.
 Значимо то, что
 может иметь значение,
 например посмотреть, как
 кто-то,
 кого уже ждут,
 возвращается с работы,
 пересекает чьи-то дворы и колодцы.
 Она знает:
 курить — в окна.
 Пока бьетса его сердце —
 будет солнце.
 На один
 ничего
 не делится.

Голова одуванчиком

Голова —
одуванчиком
в конце июня.
Дунешь — разлетится.

Белье —
бывшие желтые.

Капли дожда —
как слезы колючей проволоки.

Большо вдвойне.

А наши шины

проколоты

в тот день

обмена твоих медалей

за асные взгляды

внутри горящего танка

рукопожатием —

моя версия для печати

стала

твоей изнанкой.

Телефоны — на перетяжках.

Такая вот рекламная акция.

В казино «Фараон»

поет Михаил Боярский.

Мячики на рынках —

в детских шаточках.

У выигравших деньги —

суррогаты счастья.

Пожалуйста.

Остановитесь,

пожалуйста!

Галерея матрасов-
татами.
Все, кто молли,
нас давно
обогнали.

Но мы сходим с ума,

а они — умирают

закливо

в магазинных витринах.

А я

закрываю глаза,

проходя мимо,

векодрожанием —

в день обмена

твоих матрасинов

на все мое содержание.

Становимся одержимы

желанием

взять и все переделатъ

по-своему.

Но дышим так тязено,

будто отжимы

совершаем от пола

и по кожанде —

всем строем.

Надо тренироваться!

Желашь

строить мирь,

а страдаешь дышкой!

Ну хотя бы

доктором Вагсоном!

Не вышло...

Победителем двоеборья

врад ли станет

ценитель риторики. —

Недозаметила. —

В день обмена
твоих историй
на мои

заметки в газете.
В чепухе экземплярах —
согласно сторонам света.

Я б ее прочитала,
если бы знала, где мы.
Где мы?

Голова —
одувачником
в конце июня.
Отказников
дунуть
разкалуют
в ветры.

Стаиваю

1 Растрескиваюсь, изнутри разбегаюсь, линии нечеткие, ледяная крошка. От твоего неслучайного взгляда стаиваю, стаиваю нервные клетки, скрепяиво, навсегда отдаю. А ты... Тебе кажется — ничего особенного, все нормально, так и должно быть. Ты не видишь огней внутри корабля, проплоченным автобусным билетом спряган, спан лимбической системой, сообщаюсь маяками с теми, кто был там раньше, но там сейчас никого нет и никто не было, когда ты смотрел на меня, и я знаю, что если не сегодня, не сегодня — времени уже не будет, никогда не будет так, как сейчас, — стаивать, растрескиваться, — в этот миг, и зная все-все, понимать тебя, просветить тысячами рентгеновских лучиков неравнодушия. Если только захочешь — можно понять всех-всех. Наверное, так не бывает — чтоб сразу, и — ближе, перелегаем через несколько клеток, другие идут годами. Нам — сразу, и, значит, так нужно, все верно, для нас это единственный способ. Выживать расстояниями, прокладывая воздушные трассы от головы к голове. Тени твоих рук отпечатались на моем теле. Никто не смеет. Почему именно так? Почему все выходит именно так и никак иначе? Ни у кого из нас нет душието, наше общее будущее похоронено заживо, еще не родившись, и все равно я верю, когда мне верят. Все очень просто — мне кажется, я знаю, в чем твоя фишка, но передавайешь ее ты, а кубик кидаем вместе, сегодня один, а завтра шесть — если бы! — выбирай любого цвета, мне все равно, на сколько ходов я отстану, просто мне кажется, я знаю, в чем твоя фишка, я знаю, я знаю, я знаю, поэтому мы и встретились. Будем двигаться, пока интересно. А после — не важно. Мелочей не бывает, и все яблоки в твоем саду готовятся падать на мою закрывающую законы голову. Я закрываю законы.

2

Твой ход не обязательно после моего хода. Когда холодно, можно бросать дважды. Мы каждый раз входим в эту реку и не видим выхода. Доплывем до самого дальнего буй, самого главного приза, где ты бесконечно смотришь на меня, а я — расстреккиваюсь, ставая, и никто не знает об этом. Закрой дырку моего кармана своей ладонью. Ты, кажется, тоже знаешь, в чем моя фишка. Карматиды моего неба протянет тебе руку, и ты выплывешь, а я захлебнусь желанием быть с тобой и окажусь на берегу раньше. Вырастем — листьями укротного дерева, обозначенного на нашей карте зеленой точкой посреди игрового поля, полного талой воды. Просто кто-то растаял, чтоб появилось зеленое, а кто-то своими глазами нарисовал бабочек. Никогда ничего не обещать, но под слоем ила — верить: мелочей не бывает и в твоей пресе все роли — главные.

Га-га.

Гуси летают до края от края.

Мы про нас ничего не знаем.

Кто-то придумает, что нас не бывает

и никогда-никогда не было.

Пунктиром верю, не сплошной линией.

Мой ход не обязательно первый.

Твой год не обязательно длинный.

Будем двигаться

пока интересно.

Пока есть место.

Кубик кидаем вместе.

Сегодня один,

а завтра — шесть. Если бы!

Но мелочей не бывает.

Расстреккиваюсь, изнутри разбегаюсь.

Живу, пока ты смотришь.

Еще дольше.

Еще дольше.

3

Посмотри, это пятно расплывается по швам прямо на глазах, скоро оно закроет собой мир, появится в каждом окне, ну почему ты не видишь, ну почему приносишь мне детские раскраски и просишь выдувать раскраски пальцами — только без рук, без рук. Раздваиваем молча, чтобы не перелутать одежды, ложимся без звука, катаемся по полу, заражая свои багарейки. У меня болит голова и мне страшно, сделай мне «рельсы-рельсы» и я уеду куда-нибудь, но буду возвращаться, мне ведь так надо видеть, как расплывается это пятно по стенкам наших любимых далеких комнат.

Вытяжки сродни вентиляторам, вентиляторы похожи на мельницы. Дон Кихот проигрывает эту кухонную войну.

Гнезда для тараканов — ловушки от людей.

Что приходит тебе в голову?

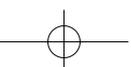
Кто приходит по ночам в твою голову и изучает наши карты? Когда ты не веришь, что я смотрю на тебя, у тебя дрожат губы. Ты ставишь моими попытками говорить глупости, чтобы снять напряжение, повернем на 180 градусов все непроявленные изображения — лучшее, что есть у нас.

Неопределенность в определении начала. А на конце — всегда якорь. Канаты-канаты-канаты. Вытягиваем вместо терпачей бедствие золотой рыбки большую старуху. Ты видишь, как она исполняет наши желания, вышивая бисером указатели времени.

Мелочей не бывает, и каждая точка — ворота в тоннель.

4

Сделав крул, срезаю уголь, приходим к выходу из леса за поворотом тропинки. Великие дела так долго ждали нас, что истекли визы и пчелы закончили делать мед из наших фантазий. Знаешь, когда я засыпаю, вокруг кружатся желтые шарики, они приносят мне пылью самых важных дорог, а всю ночь хожу по ним в надежде увидеть твой след, но я никогда не настаиваю. Распылитель воздуха на маленьких паучков — когда ты становишься прозрачным, я вижу его сквозь тебя. Просто лежать вместе, чтобы тепло. Загадай на корову, пасущуюся на нашем зеленом лугу, пасущую перед трудностью пройти по этому

игровому полю до самого конца. Ты никогда не захочешь уз-
нать обо мне все, а все — это всего лишь просто лежать вме-
сте, чтобы тепло, и не бояться контролеров на каждой оста-
новке, которые придут и вышвырнут, потому что я всегда без
билета, а если я зашпачу штраф, останется ли от меня что-ни-
будь? И что это будет? Не думать — не думать — не думать.
Никогда не умела ловить машину. Просто мне по-настоящему
никуда не надо.

Как хочется ночью
в машину,
вильющую фарами,
когда не ты едешь в ней,
и тебе даже не надо,

никуда не надо,
никуда не рано,
никуда не

Изнутри разбегаясь и — растрескиваясь в нечеткие линии,
в нечетные линии.

А мелочей не бывает, и когда у человека без часов страши-
вают время, он должен ответить. Я вижу его сквозь тебя и все
наши фишки, отданные даром.

Освещенный фарами,
станешь еще темней.

Просто лежать вместе, чтобы тепло.

Там, где

великое всегда равнозначно малому.

Зарыта собака

Торговля хозтоварами,
пока пригикхший северный город дремлет.
Будем делить землю,
где зарыта собака самая главная.

никто не знает
вот и славно

А разве так не бывает?
Была слабая, стала злая.
Ей бы участок с морем
и — наплевать на собаку.
А она все ходит и ходит.
Гавкает.

Прежнее качество ищет,
новую упаковку.
Если бы знать, каков он!
Только одним глазом!
Эта собака съела.
Лучший участок продан.
Прямо над ней кто-то
завтра построит дом.

Абсолют куска дерева
и
нерожденного сына.
Кажется — вот оно, счастье! —
наполняется свороткой.
Все отдал за участок.
Только собака, видимо,

Кем-то уже
вырыта.

Никто не видит
как мило

Кабина

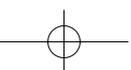
Плексигласовая кабина.
Вряд ли
что-нибудь
будет видно.

Что происходит?
Что происходит?
Окна века
зарастают травой.
Мы приземляемся
где-то у входа

В
керамическую
долину
гнезд.
Кто первый выходит?

Строй, строй источник.
Построй — будет чем выгнать.
Все колья
заточены.
Кто выйдет?
Выдуллается
из бильярдных шариков.
Да не будем биты!
Выверяя-выстраивая,
лишь умножаем убытки.

Посчитаемся
детской считалкой.
Кто выйдет первый?
На кого бы ни хмурилась стрелка —
жалко!

Вот поэтому
стерта
обивка
нашего кресла-качалки.
Мы, раскачиваясь,
жалеем.
Нам
всех
удивительно
жалко.

Плексигласовая кабина.
Дальше зрения — не увидим.
Паутины — не помним,
и больше не будем
входа
в
керамическую
долину
гнезд.
Сли
спокойно.

Колется

Закаатилось под кровать
наше
последнее солнце.
И оттуда —
колется,
колется.
Шарфом кусачим
во время большого горла —
как лаптюю синей
третт порою насморка.
Хочешь схватить —
проворно.
Хочешь поймать —
выскальзывает.
Не живет в пальцах.

Я знаю, что это
правильно.
Ведь можно случайно
вжаться
жителем желтой окраины,
гайно оформить паспорт —
и жить
у тебя
под кроватью
нечаянно упавшим солнцем,
чтоб ты никогда не истратил
все то,
что способно
колоться.

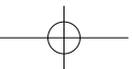
В лю ди

Мужки, разбитые
о ветровое стекло.
Радужные крылья —
бензиновой пленкой,
ручейком под ногами
растворяются.
Кто-то едет на высокой скорости,
а кто-то летит,
знает и
разби-
разби-
разби-
разбивается.
Не разбирается,
что хорошо,
а что — лучше.
За двумя зайцами —
очень
тяжелый
случай.
Не выживешь.
Такие хрупкие хрустальные шарики
убиты
хвостиком
мышки.
Поскребу-наскребу по сусекам.
Не специально, но
предумышленно.
Баба била-била
место яйца — деда, —
так хотелось
золотые слезки!
Придешь поздно —

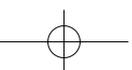
останешься без обеда.
Без ночи.
Без ужина.
Без моих дурацких вопросов.
Мы не скажем,
где мы были,
не скажем,
что делали.
Потому что
разбиты.
Потому что
нас нет уже.
Так, какие-то
крошки.
Остатки супа в тарелке.
Зажглась зеленая стрелка —
значит, надо идти
кошками-мышками —
все сначала,
пока суп не съеден,
значит, надо
и так
будет.
А жучками —
всегда
устеем.
Всегда успеем
разбиться
в люди.

Налысо

Побриться
 налысо —
 стать
 выше
 на голову.
 Взять такую самую опасную бритву и —
 чирк-чирк.
 Гарантия максимальной мягкости.
 А все будут удивляться:
 и зачем она
 так?
 А я буду
 предсказывать погоду и стану
 ближе к небу.
 И говорить ничего
 не буду,
 никогда не буду.
 Раскрою глаза, и —
 сквозь —
 смотреть широко-
 широко,
 как под тонкой кожей головы
 передвигается весь мир —
 через край,
 через край,
 и исчезает
 за поворотом
 моих ресниц.

Сронами — всем

Ты будешь нашим поваром.
 А погом я тебя
 съем.
 В этом мире,
 где уши у стен —
 из телевизионных антенн, —
 не запоешь по-новому.
 Два-три проверенных шлагера.
 Эффект
 исторченной бомбы.
 Явился на все готовое,
 а мир уже
 взорван.
 Знаю средство от вечного холода.
 Может, испробуем?
 Кладбище
 белых птиц.
 Взлетно-растительные полосы.
 Каждого, кто кричит,
 потеряли в активных поисках.
 Усыпили типнотизерами
 в просторных марморных залах
 и рассыпали зернами
 подписей «зае..ло».
 Сколько зим —
 столько их,
 ступлев
 с подломанной ножкой.
 И куда ни пришли б,
 норовят

проводить без одежды
и без кожи. Ее — на пошив
суперпрочных скафандров. Всеобщий
гиперглобальный френдшил.

Лишь хотелось быть честной.
Хэпти энд — он, простите,
то и смеху, что грустный.

сроками
всем
здравствовать

Водитель!
Знай свое место.
Водитель!
Знай свою смертность.
Водитель!
Знай свое пусто.

освободи
дорогу
стептранспорту

Набитые

Была-жила
какая-то тревота.
Грызла-грызла,
хромала на одну ногу,
по-моему, левую.
Изгрызла
до конца.

Ничего не оставила.
Внутри пустота,
снаружи порядок.
Никто не
заметит.

Была-жила.
Вросила меня.
Где она теперь?
Кого?

А ты говоришь:
«Проходи. Располагайся.
Снимай свой шарфик —
у меня жарко».

А я
распол-
заюсь
по всем щелям-
утлам,
тебя не слушаю,
иду ее —
чтоб
было внутри

Ю Л И Я Т И Ш Н О В С К А Я

ХОТЬ ЧТО-ТО.
Мы же все
набивные,
набитые,
нам надо,
чтоб было,
чем
быть-жить.

Гуманитарная помощь

Зеленые заборы —

под цвет травы
и светофора.

Все пешеходы
равны.

Равноудалены
от цели

и конечного смертного приговора.

Для меня

все машины

мужского рода.

Повесившись на проводе

безвременного ухода, —

в стопочку руки

аккуратно сложены,

незаштопанный карман головы, —

всегда надеюсь,

что ты —

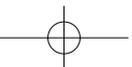
тоже.

Помогите нам

теплой одеждой

если иначе

не можете

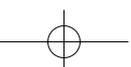
ДАЛЬШЕ ЗРЕНИЯ

ИЗ ЦИКЛА «АВАРИЯ ТЭЦ»

Сборная

По мерзлой земле,
прижавшись стенами,
двигаемся —
в счастье ли,
в трансе —
близнецами сямскими,
которые не живут
долго,
растадаясь на части,
в разные стороны
тащим головы —
сумки, полные
мусором первого сорта.
Мы должны всем рекордам
условно,
по займу.
Где у Электроника кнопка —
я слишком хорошо
знаю.
Маршрутами «Дом—работа»
включают роботы.
Включаясь.
На собственной шкуре —
да с торжи.
Тяжелый чемодан у Ури,
и там внутри —
сборная.
Сямские разделенные
за полгода
превращаются в роботов
с глазами
ослепительно модными,

размером с чайное блюдце.
Полупроводниковые.
Сверхновые.
Им
нечем
проснуться.

Часть нашего

Под сиденьем
в чужом трамвае,
улыбаясь
клаустрофобии,
своею
вечную песню
тихонько играю,
знав:
часть нашего полета
проходит над морем.
А я не успела
к демонстрации спасательного жилета —
плотать было
трудно.
Часть нашего полета
проходит без света.
Прямо в гуль.
Неуклюжими фигурами,
но обязательно —
вышето пилотажа.
Аварийно.
Кто подсажет
неизбежный сюрприз
непрерывного стажа?
часть нашего полета
проходит без крыльев

Выбыли

Выпал случайный номер —
результат компьютерной выборки. —
Вывшие в коме
выбыли.
Их адреса не указаны
в самых желтых страницах.
Разные,
очень странные,
они
вынесут все камни
выложить новое здание,
чтобы переродиться
в очень печальных ангелов,
в вечно молчащих ангелов,
которые с неба приходят к нам
и замгают убийства
незапомненных снов
и
самых счастливых мыслей. —
Жертвенная пора.
Когда радость отмервется выслугой,
жалеть улетевших птиц бессмысленно.
Еще успеем все выстаться,
пока не даны номера.

Уносят

Ноги перемешаются
из здания в здание,
пока не устанут.
Что-то внутри опоздало
и никогда не придет.
Встали
внутренние часы.
Сломались.
Не помнят работы.
Заняты
лишь переменной породой,
долгим подсчетом,
кто мы.
Троты
в бетонном шоссе
кем-то протоптаны.
Может быть,
нужно на всех
поровну
быть розданными?
Хватит ли зим и лет
чередовать всьны
без надежды на свет
и без просьб?

Из переулков
на нет
полуустало уносят
ноги,
нашедшие след
в осень.

Антивирусно

Исчерпан кредит жизни.
Пора платить.
Только чем?
Антивирусной программой?
Восстановлением
потерянных данных
за вычетом
необсуждаемых тем?
Трагикомедия
стусклым светом
постельных сцен,
с живущим внутри Новым годом.
Сделайте
что-нибудь к лету,
и без уценки
мы
станем свободные.
Такие холодномертвые,
раздавшие долги обществу,
истертые
в неведомой ступе
в клоуза.
А надо бы — порошком,
докатиться до белого состояния,
чтоб вьхали тайком,
а потом —
ожидание
сладких поэзов чихания.
Расцвести в их крови
ядовитым цветом —
наискось.
Чтобы жили они,
отравляясь,
и —
просьпались.

Холодное время L**1**

Пришла повестка —
 призваны к ответу
 за срыв
 Воздушных Линий Электропередач.
 Я знаю,
 что мы сделали
 прошлым летом,
 и это
 пока еще не перестало значить.

2

Иван-царевич
 в поисках философского камня
 становится егерем —
 любое зверье пригодится!
 Пусть отдаст мне стрелу,
 а там я
 исправлю
 двойку на единицу.
 Плавно,
 не веря в закрытые ставни,
 наступаю
 лягушачьи дни.
 На подступах к городу,
 откуда плывет корм всякий,
 ведут подрывную работу
 лягушки с липом собақ и
 каждая — это царевна.
 В сердце — миллиметр стрелы.
 Открываем новые земли
 старые
 мы.

3

Если где-то человек попал
 пальцем в глаз небу,
 а потом испугался,
 стал прежним,
 на лету открыл другую книжку —
 я сижу недалеко.
 Я все вижу.
 С моего забора
 открывается вид дивный,
 места, куда лапы лягушек
 случайно не доходили.
 Но, естественно, всюду бывали
 перелетные птицы.
 Мы как реки —
 ищем, куда нам влиться.
 Вездь
 маленькое впадает в большое,
 а большое — в реку.
 Электрическими елками,
 подобием человека —
 по облакам,
 по воде.
 Как дом подводится к свету
 и где
 он?

4

Экстренная связь с машинистом —
 усталым Иваном-царевичем.
 Эй, оглянись-ка
 на тех, кому делать нечего,
 на то, чего ты не сделал.
 В кармане смята повестка.
 Единственно верный шаг?
 Плот наскочил на берег —
 мы приехали.
 Вытьем на брундершафт?

5

Моя лягушонка
живет в коробочке.
Считает убытки,
шелкает счегами:
раз Иван,
два Иван,
три Иван.
Мы в расчете.

6

Песня лягушки:
У моего любимого —
волшебные ушки —
чтобы приливы-отливы слушать,
а обнатуржив
«стасите души»,
их затыкать.
Он ими кивает-
кивает
и наизусть знает
все, что я рассказываю
нам с вами.

7

Кулаки тянутся через дорогу. —
Это за нами.
Модернизация жизни —
короткими очередями,
перебежками
от окопа к окопу.
Три лягушачьих орешка:
норка/семья/работа.
Память о пройденных путешествиях
не напечет голову.
К черту кутальные шапки!

Плывущее по течению

уходит всегда на сторону —
моей неудавшейся вязкой.
Колышется стекло оконное
трансформаторных будок.
После земли —
спроси меня —
кем
мы
будем?

8

А что мы хотим узнать?
Что именно?
Тихо плывущими
сегодня быть прибыльно;
одной из шин грузовика
чертить линию
и верить в свет гаражей.
Бездна
больных гриппами.
Все включено.
Стокойно любви меня.
Иван-даревич — по лезвию бритвы.
Близни оказался —
Кашей.

9

Удовольствие от теплого душа
не заменит гордость
за наличие мужа,
не заменит вкусной еды.
И выпить чтоб, и потрахаться —
до соседского визга —
чтоб все слышали:
мы — живые,

и дерьма у нас — полные миски.
 Мы меняем квартиры-вывески —
 уже некуда ставить!
 Мы хотим самую 6 лыщю
 элитную Дорогую жилищадь
 и горшок
 цвета маэ,
 отбивающий заплах
 утревшей резиньы.
 Только в каждом повороте грамава
 я пляжу на сбитых собах.
 Жертву скоростного режима —
 в отдельную палату.
 Да уж. На хрен нам
 новые войны.
 Сдохнем спокойными
 за отдельную плату.
 По-и-эту-сторонние
 контрбандисты.
 Ну чего ты ругаешься матом?
 Душ ведь скоро
 освободится.

10

Словно боясь нарушить строй,
 что само по себе
 славно,
 лягушки-царевны, возвращаясь домой,
 позабудут закрыть ставни.
 Инициатива
 ночных ларьков.
 Законная накить.
 Квакаем-
 квакаем
 все тем же лаем собаки,
 покрываясь от страха
 лягушачьею кожей.

Мы всегда только квакаем,
 а ничего сделать
 не можем.
 И уходим на запад
 в бабочек превращаться
 курам насмерть.
 Океан
 никому не вливается.
 Прогрессирует в насморк.
 Пришла повестка:
 вы — призваны!
 Вынули — и бежать.
 Провожали как плакали.
 Плакали как провожали.
 Лягушачьиими лапками —
 белый платок.
 Жаль.

Гиперболоид

Все гениальное —
 просто
 еда обыкновенных людей.
 Принудительные колхозы.
 Любовь и
 картошки.
 В новом квартале гекушено года —
 без очередей
 на нас.
 Золотые прииски —
 рождение олова.
 Место для пробы —
 печатью на лбу.
 Клей
 осторожно
 искры из глаз.

Срок моей годности
 да не истечет вовеки.
 Да не превысит
 срок ожидания
 самого главного поезда.
 Бесчеловечные
 человекки.
 Делкагасы
 под маркой совести.

Под одеялом — сердце.
 Ценной безделицей,
 основаньем для ареста,
 лифтом
 в здании без подъезда.

Условием всех ночей —
 я появляюсь
 на твоих горизонтах
 солнышком Ильича.
 Больше не будешь
 боятся холода
 ни на час.

Очат
 был нарисован бездровным,
 но в самом деле
 топас.
 Буратино!
 Высушь свой носик
 за пределы
 астрального тела!
 Вот и узнаешь,
 где тебя носит
 и в чем дело.
 Буратинка,
 букварь — за куртку
 выдали в пункте обмена.
 Папа Карло
 замерз жутко.
 Не время ли жечь полено?
 По клеенчатым
 по коленкам
 траурной лентой —
 страх.
 Вот и прочтите,
 в чем дело,
 на отечетанных
 лбах.

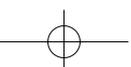

Последний из

Кончился телевизор.
Перегорели пробки.
Выпущен джинн.
А поцелуем-визой
лоб до морщин прожог, и
снова чувствую локоть
сквозь вереницу спин.
Взяли бы кассу,
если б не опыт.
Из параллельного класса —
как из другого мира.
Мышеловки —
в поисках сыра.
Дырки —
в поисках тупи.
Было бы чем —
рискнули.
Взяли бы на работу.
Вот он,
блокадной трассой
на перекрестке зим
чудом как оказался,
спасся
из-под руин
новостроек.
Зарегистрирован и
спокоен.
Не останавят.
Да им.

Кончились новости.
Антипрограммные вести.

Стало ли легче?
Взвесьте.
Бесплатно —
до десяти килограмм.
Коршуны мусорных баков —
в атаку.
Последний
из многих
канул.

ИЗ ЦИКЛА «СПЕЦИФИКАЦИЯ»

Того и гляди

В человека
так много всего напихано.
Того и гляди —
треснет по швам,
лопнет,
забрызгает скагерти.

поэтому

Первой необходимостью
предметы:
канцелярские скрепки,
иголки
и, конечно,
скоросшиватель.

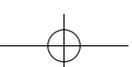

Они

И. М. и П. Н.

У них есть кот
и есть окна.
Кот знает,
что их не бывает много.
Они знают то,
что знает кот,
и еще немного.
Они живут вместе
чуть больше года.
Но не считают это за год.
Кот знает,
что есть окна.
Они знают
все то же, что знает кот.
Плюс еще немного.
Кот покидает окна.
Кот хочет знать, что там.
И узнает.

Теперь они знают ровно, что знает кот.

Мост

Держатся за руки.
 Медленно переходят дорогу
 на ощупь.
 Шаги слабые.
 Руки дрожат от недосыпа.
 Старческая бессонница.
 Крошки карманов —
 все голубям.
 Им
 мало надо
 для.
 Бесплатный проезд.
 Льготы на лекарства.
 Фотографии правнуков
 на пыльном комоде.
 Всего два пути —
 на пересадку
 и
 выход в город.
 Но они не выходят.
 Буквы на указателе
 слишком
 крупные,
 чтобы их принимать всерьез.
 Говорят —
 старость проходит.
 Если держаться
 за руки
 через дорогу —
 получается
 мост.

Хлеба

По мертвому дну моря,
 по дну мертвого моря,
 по дну Мертвого моря —
 револю-
 ционерами —
 всенепременно.
 Если веру измерить
 временем,
 будто ложкой,
 складным метром,
 и остаться
 такими светлыми
 поневоле —
 в чьяк-то белых
 крахмальных простынях,
 неторопливо поселенных,
 чтобы нам
 было просто
 казаться
 навялет простреленными
 стучком чужого незримого, —
 человеколюбимые, —
 кричать от собственных рук.
 Это такой сорт — зимний.
 Созревает не вдруг.
 Понимает
 после щелчка двери,
 в районе второго пролета,
 отчего же так скверно,
 отчего там
 вот что-то
 ворчит, и бормочет, и заставляет

то мертвому дну моря —
да словами, словами...
Видишь, дырка пророшена
по ту сторону неба?

Деньги доверены
обшире.
Купишь на всех хлеба?

Наш День

Ольке

спасали дождевых червей
от ног

пели песни
чужим окнам

гладили траву
цветов не рвали

любили
человека в метро

прятались от зонта

смотрели друг друга
в лужах

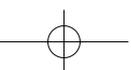
решили, кто каким будет голубем:
Олька — розовым
я — синим

улетели

вернулись

несли домой, тематоген

сегодняшнее солнце
прожигто.
одуванчики
закрываются

НЕВОДОМ

Неводом —
 его мысли,
 ведомые
 только пристаням
 для чужих кораблей,
 без выстрела
 выигравших море.
 Ступай себе в горе,
 лови городом
 отзвуки
 телеграмм Богу —
 скоро будем.
 Комнату для гостей
 отпечатай.
 Братья селятся вместе.
 Сестры — по сорок.
 Срок
 клятвы
 истек
 в воду.
 Поймай годы
 волшебной шляпой —
 станешь
 пристанью,
 якорем.
 Месяцелов —
 в самом начале.
 Корыто мне, корыто —
 поить чаек
 пастеризованным
 молоком,
 шепотом,

чтобы они
 кричали
 пьяные шлагеры
 о потом.
 А там
 мы —
 бестелесные.
 Уже не невод,
 а леска —
 прозрачная,
 все выдержит.
 Оставь песни
 незначащимся в реестрах
 всех
 прошлых
 и будущих
 жизней.

Сосны**Сосны**

растут долго.

Такая маленькая, а уже за двадцать.

Сосны

растут из песка мокрого.

Их корни

с малолетства приучаются к вязкому.

Где не vybrаться —

выкарабкиваться.

Сосны

стоят вдоль дорог.

Провожают машины.

И им не важно,

какой из них

какой срок,

какая высокая,

как башня,

какая ветвистая,

какая большая, —

шуми себе

вдоль залива.

Жучки бы не истончали.

Дятлы бы

по ночам

не летали,

стать не мешали.

Совы

не задевали бы крыльями.

Главное не выступать,

не дотянуться корнями,

не унять лесными пожарами.

Главное —

шелестеть игольчатými ветвями,
наблюдая заполнение залива дождями,

рассказывать

по деревяной почте,

передать вести,

донести новости —

городским березам,

вымирающим у подъездов досрочно,

изломанным

долгоиграющими

кричашими

человеческими отпрысками,

рыбинам,

боящимся птиц,

их холодных жадных клювов, —

все

слушайте

сосновую трансляцию из:

нас не поломают,

не срубят,

не поедят жучком,

не устроят пожаром,

не словят ветром.

Мы — самое главное.

Мы живем,

дорастая до неба,

и видим радугу.

Она —

темно-зеленого цвета.

Радуйтесь.

Радуйтесь.

Вы — зверье.

Мы — выше всего этого.

Кто же из нас живец?

Кто же из нас в ответе?

ИЗ ЦИКЛА «ПРАЗДНИК УРОЖАЯ»

Затем, что мудрость нам единая дана:
 Всеми живущему идти путем зерна.

Вл. Хобасевич

*

На солнечных батареях,
 подлежащих замене, —
 к всеобщей обедне
 успеть бы —
 заблаговременно
 постоять в церкви,
 пока еще никого нет.
 Согреть
 в глазах иконы соседней —
 непрекращающийся
 вечной
 свет.
 Знаем
 много
 страшных историй.
 Дайте забыть,
 замочите в море.
 Откормите сметаной.
 Станем самче храбрые
 китайские вазы.
 Умные собаки
 не перебегают дорогу рывками,
 а всю — разом.
 а батарейки-то
 оказались
 разовые

*

вырезать
 из
 голубой небесной бумаги
 солдатиков

и войн никогда не будет

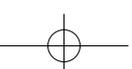
*

О деревья
 выгирали кисть,
 крася забор.
 А мы думали,
 что смола.

Подкачнуть
 эту жизнь
 хором.
 Дальше сможет
 качаться сама.

*

Наш самолет
 вперед летит
 диспетчер
 диспетчер
 требую привал
 в небе
 здесь слишком красивые
 облака
 надо бы рассмотреть

*
Ключ оставлен
по ту сторону
двери,
захлопнутой
в завтра.

Мы пробираемся
полем,
полем.

Градет
Великая
Жатва.

*
кончились
радости жизни.
кончились.
кончились
кальмары к пиву.
осталось пиво.
осталась жизнь

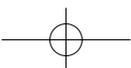
*
подвязывать платками
руты,
чтоб не открылись
сидя,
во сне;
не залетела
дурная весть,
не обидели бы кого
сонным словом
раскрывшихся ртов.

*
зачем ты
все время мне врешь?
просто я
не могу тебя обманывать

*
Урожайный на редкость год —
всех скосили.
Время печь
всемирный пирог
из бессильных.
Он придаст нам достаточно силы,
чтоб не делать лишних усилий
в свой черед.

*
есть чем гордиться.
гордиться его
его
чем-то, что есть у него.
у меня нет тебя.
ничем.
мне ничем.
буду гордиться ничем.
самая высшая гордость.

*
Холодная скамейка.
Лето.
Пива — половина бутылки.
Стихи чьи-то.
Смс
просятся выйти.
Неподсмотренный Бергман.

Свое слово,
найденное
у кого-то другого.
Женщина
в мусульманском платке
глядит неотрывно.
Я — слабая.
Мне сильно
хочется
оказаться
вне.

*
горят костры
сожженных за
право
знать
твои
настоящие имена

*
в одной упряжке
с теми,
кого оставили
дожидаться счастья

и даже после —
бок о бок

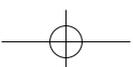
*
давайте играть
без обманов.
Я знаю, что ты — в да.
не прячься
ищи

*
Нас
посадили.
Мы растем
иногда величиной с дом.
Но вот вопрос —
где найти дверь
теперь?
Подумай сам.
Нам под стать —
лишь небеса.

*
карты
кровельных мастерских
указывают на крышу

очень высоко
и быстро
менявиденье

*
хорошо,
я признаюсь.
Я расскажу.
Это все
бактериальная война
волной
входит в меня,
заставляет
смотреть в глаза.
убегать.
бактериальная война —
безоружна,
крайне жестока,

невиди-
ма.

Вирусом — не через компы,
а просто
нахождением со мной около
танцующих не так плохо
от взлета к взлету.

Думаешь, что найдешь тут
место отдыха,
где тепло
и нет чувства голода.

А получается —
пробка
без движения
и чувства долга.
И это еще — повезло.
Бактериальная война.
Пройграем оба.

Я прошу тебя
не стоять около,
не дотрагиваться руками,
не поддаваться.

Лучше —
полная капитуляция.
Флаги на Главной площади.
Все закончилось.
Вперед! —
тяжелее и дольше —
бактериальное
братство.

не пощадит

*
виноградные улитки
слушают шум моря
внутри себя,
втянувшись рожками
в

70

*
не пойман — не
не пойман — не
не поймай меня,
не лови
честного вора
кодекса мира,
выигравшего вместо автомашины «Волга»
красные «Жигули»

*
Тебя кормили,
чтоб пригодился.
А ты покупаешь
новые джинсы
больше старых на два размера.

собираешься
наполняться
верой

*
Это точно когда
вырастают крылья, —
говорит девочка на карусели.
не надо сильно
не надо сильно, —
подходит к ней
бабушка,
выводящая ее на прогулку
(платят 300 рублей)

*
почему мы всегда делаем,
что хочет Сережа,

71

а то, что я хочу,
никогда не делаем?
А что же ты хочешь?
ничего

*
Воздушные ямки. —
На 50 человек —
одно ощущение. —
Умереть
прямо здесь,
в процессе скольжения
вверх,
не почувствовав перемещения.

*
стихи — не крик.
окрик.
эй
эй
эй
эй
кто-нибудь
да аукнется

*
Трижды Премудрый комбайн
сквозь темные пята лесов
приближается
приближается
на зов
золотых колосков

*
извини, пожалуйста, бутылка,
что я на тебя наступила.
тебя выбросили.
ты свободна.
лежись, смотришь.
а я задавила тебе глаза.
перекрyla горло.

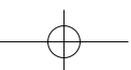
извини, пожалуйста, бутылка

*
принцесса, сюда!
я кидаю стрелы!
да не тебя я
не тебя

спасибо
спасибо

*
если ты веришь
в чувство винны —
она твоя.
Прими.

*
тараканы
на кухню
второе пришествие
помидуй мя
трешнато
до смерти

*
Сквозняка сегодня не будет.
Задрали амбарные люки,
взломает руки
в молитве жалкой.
Выпусти, Великая Жатва.
Выкоси, Великая Жатва.
let it be

*
кому нужны
мои знания
о том, что никто не знает. —

всхлипы в пододельной стране.
пока хватит воздуха

*
Зная твой оптимизм, —
говорит, —
лишний раз
подожду за углом.
Мало
ли.
Твой дом
построен на одного.
все выстоит

*
может быть,
есть какое-нибудь средство
недорогое какое-нибудь
пусть поищу —
я поищу

по будням до пяти
кроме четверга.
есть же где-нибудь
какое-нибудь
средство
чтоб уберечь тебя
от меня

*
показать карточку
объяснить свои планы
но перекрыты краны
и вода не прокаливается
не течет
под лежащего
назначь
прямосидящего
рядомстоящего
и вообще не течет.
божий — замьсел.
исполнитель всегда не в счет

*
этот дядя
возле мусорных баков
ранним утром
и поздним вечером
когда меньше народу
его тоже выбросили

*
а подадим
каждой женщине,
выносящей за нами судно, —

чтоб ей было на что
купить мороженое
внучкам

пусть едят его
на здоровье
на здоровье

*
колосочек — к колоску.
зернышко — к зернышку.
амбары наполнятся
нашим светом.
мы не ведаем,
что творим.
мы прощены.
А спасибо сказать некому.
Поклонись сам себе.
Это будет такой привет
нам от них.

*
береза,
обоженная именами.
Саша + Маша.
10А класс.
И все остальные
когда-то были.
Ушли.
Не вернутся.
Стыдно увидеть
березовые глаза.
Потому что они —
простили.

*
Жужжала-жужжала
под ухом
муха.
Надоела.
Садилась на фрукты.
Разносила микробы.
Раз — и
прихлопнула.
И кажется, нет мухи.
Не видно ее, не летает,
на грязном полу лежит.
А она внутри себя
сидит себе и все знает.
И жужжит.

*
волк
коза
капустка
одна лодка
волка с козой нельзя
козу с капустой
вожу капусту и волка
капусту и волка

*
то квартирам ходили,
собирали подтиси.
открывала на звонок.
добровольно подписалась
на каторгу.
пожизненную ссылку.
в эту квартиру
в этот город
вот эта улица

Вот этот дом
отдала свою подпись.
крестик зачтется

*

мне так хорошо
было вчера с тобой.
и сегодня было так хорошо
мне с тобой.
чем заплачим
выкуп завтра —
мной,
тобой
или хорошо?

*

копыта стучат на восток
поперек
моей головы.
именный торт
из цветов
и травы.
мне не лезет большой кусок.
измельчите его в песок
и посыпьте швы.

*

я — чемпион по сбору макулатуры
чемпион по сбору металлолома
взламываю железные двери
библиотек

*
Каравай
Каравай
того должен выбирать
кем долг отдавать

Каравай
Каравай
колобокский побратим
мы хотим,
чтоб ты водил
прямо в рай

*

зачем пользоваться
известными телефонными номерами?
выдумай свой
нож. —
звони.
ответит
только что родившийся
для тебя
человек
прижимающий
к уху
кусочек звука
с неразрезанной туловинной.

*

слезайте, девочки
Белки-Стрелочки
покорители космоса
партизаны
заброшенных
блиндажей.
полет закончен

ремень отстегнут
трап подан.
наступило «уже»,
так бейте
в барабаны своих желаний
скрепящими на груди руками —
это защита от яви снами
самолетными очередями
безбилетными холостыми мужчинами.
они уже дышат в спину.
на них приехали белые кони.
они по-рыцарски все могут.
приватизируют троны.
подержат за руку в момент атонии.
слезайте, девочки.
уже приехали.
и дальше —
некуда

*
Мы — городская трава,
сгнившая до прихода весны,
хранящая тепло лап
и резиновый запах подошв.
больше пяти сантиметров
мы не растем —
особенный,
годный для города
сорт,
выведенный на плантациях
неизвестной страны

*
оккупация
в тегерь уже твой
город.

я со всеми своими
каменьями
книгами
картами
пригнана,
чтоб работать
запоевателем стекол.
всем видно —
внутри тепло там
и не хочется выходить. —
«счастливые!»
а мы сидим,
мы — задолблики.
я столько смогла выдохов
взвалить на расстрельную линию,
что мир
обратился мимо

*
Мы теряем ее...
высоту
планка сброшена
задега
неудачным шестом
жестом
одеждыми —
на работы.
одеждыми.
и шкафы лязгают
створками
подпевают
вешалками.

СОДЕРЖАНИЕ

Допускаю, что вы
правы

если грешны

*

Конец лета — начало осени — самое урожайное время в средней полосе России. Именно тогда заготавливаются запасы, с помощью которых мы проживаем суровую холодную зиму и благополучно доживаем до новой весны. Во многих деревнях проводится праздник урожая.

мы пожинаем

посеянное

снова сажая

помолчим

тока оно

прорастает

вглубь тишины

до края

абсолютного знания

Ольга Зондберг. Границы случайных мест

5

Старушка

12

ИЗ ЦИКЛА «ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СРЕЛКИ»

В север

13

Без объяснений

15

Вербные веточки

16

Не делится

17

Голова одуванчиком

18

Стаяво

21

Зарыта собака

25

Кабина

27

Колется

29

В люди

30

налысо

32

Сроками — всем

33

Набитые

35

Гуманитарная помощь

37

ИЗ ЦИКЛА «АВАРИЯ ТЭЦ»

Сборная

38

Часть нашего

40

Выбыли

41

Уносят

42

Антивирусно

43

Холодное время I

44

Литеролоид

50

Последний из

52

ИЗ ЦИКЛА «СПЕЦИФИКАЦИЯ»:

Того и гляди

54

Они

55

Мост

56

хлеба

57

Наш день

59

неводом

60

Сосны

62

ИЗ ЦИКЛА «ПРАЗДНИК УРОЖАЯ»

64

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР «Галерея-Клуб»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

И. МАШИНСКАЯ

«Путнику снится»

*

Л. ЧЕРТКОВ

«Стихотворения»

*

К. РУБАХИН

«Книга пассажира»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР «Галерея-Клуб»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Г. КОРИН

«Муза и автопортрет»

*

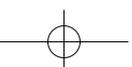
И. ЛИСНЯСКАЯ

«Иерусалимская тетрадь»

*

С. ЛЬВОВСКИЙ

«Стихи о родине»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР ГАЛЕРЕЯ-КЛУБ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

М. ГЕЙДЕ

«**В**ремя опьянения вещей»

*

П. НАСТИН

«**Я**зык жестов»

*

Е. КЕЛЛЕР

«**У**роки молчания»

*

К. БАНДУРОВСКИЙ

«**Д**иттих»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР ГАЛЕРЕЯ-КЛУБ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

О. ШАТЫБЕЛКО

«**В**ооот»

*

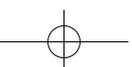
Е. РИЦ

«**В**озвращение к легкости»

*

Е. БОЯРСКИХ

«**Д**агаз»

Литературно-художественное издание

Тишковаская Юлия Игоревна Дальше зрения

Идея серии: Д. Борисов, Н. Охотин

Ответственный редактор Е. Савина

Ведущий редактор О. Старикова

Макет серии: С. Митурич

Обложка: М. Авдин

Компьютерная верстка: А. Иванов

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (095) 924-5761, тел.: (095) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

м. «Чистые пруды», Курьяковский пер., д. 10, стр. 5, кафе «Блинница»;

м. «Чистые пруды», Поталовский пер., д. 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;

Кафе «Пирог»: м. «Площадь Революции»/«Дубинка», ул. Никольская, д. 19/21;

м. «Охотный ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;

м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12

Заказать книги ОГИ можно: тел. (095) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Отправить заказы: тел. (095) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить: www.estet.ru.com

Подписано в печать 28.03.2005. Формат 84×108 1/32. Гарнитурa OfficinaSerif.

Объем 2,75 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

